

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-59-65
УДК 94(47).032(045)

Старшинство в роду Рюриковичей: социально-культурные представления и легитимность

С.В. Алексеев

Московский государственный институт культуры, г. Химки, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена эволюции представлений о старшинстве в древнерусской династии Рюриковичей. Рассматривается преемственность высшей власти в едином Древнерусском государстве, в домонгольский удельный период, в эпоху ордынского владычества. Проанализирован характер и значимость столичной роли Киева в домонгольский период. Показано, как поступательно повышалось значение северо-восточных и юго-западных русских земель, а также описаны различия в подходах их правителей к общерусскому единству. В конце статьи сделан вывод, что, с точки зрения русского родового права, к XV столетию единственными легитимными общерусскими правителями оставались только великие князья московские и владимирские.

Ключевые слова: Древняя Русь; Рюриковичи; наследование власти; легитимность; обычное право; великое княжение; митрополия вся Руси; великое княжество Владимирское; «королевство Русь»

Для цитирования: Алексеев С.В. Старшинство в роду Рюриковичей: социально-культурные представления и легитимность. *Гуманитарные науки*. 2023;13(3):59-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-59-65

ORIGINAL PAPER

Seniority in the Rurikid Dynasty: Socio-Cultural Ideas and Legitimacy

S.V. Alekseev

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the evolution of ideas about seniority in the Old Russian Rurikid dynasty. The article considers the continuity and succession of the supreme power and authority in the united Old Russian state, in the pre-Mongol feudal appanage period, in the era of the Horde dominion. The nature and significance of the capital role of Kiev in the pre-Mongolian period is analyzed. The progressive growth of the importance of the northeastern and southwestern Russian lands, the differences in the approaches of their rulers to the all-Russian unity are shown. At the end of the article the conclusion is made that, from the point of view of Russian dynastic patrimonial law, by the 15th century, the only legitimate all-Russian rulers remained only the Grand Princes of Moscow and Vladimir.

Keywords: Ancient Rus'; Rurikids; inheritance of power; succession of authority; legitimacy; customary law; great principality; Metropolis of All Rus'; the great principality of Vladimir; "Kingdom of Rus"

For citation: Alekseev S.V. Seniority in the Rurikid dynasty: Socio-cultural ideas and legitimacy. *Humanitarian sciences* 2023;13(3):59-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-59-65

Средневековье не знало понятия «правопреемство» в его современном смысле. Когда заходила речь о преемственности государственной власти, имелось в виду не наследование некоторой неосязаемой сущности между «государствами» и тем более «народами», а наследование земель и престолов конкретными людьми. Правопреемство было, как

правило, династическим и всегда воплощалось в конкретных, обретающих право — будь то династическое или религиозно-мистическое — лицах. В силу этого почти любые суждения о «правопреемстве» сегодняшних политий от средневековых страдают условностью. Тем не менее у ряда (даже в Европе — не большинства) современных государств действительно есть

столетия непрерывной государственной истории. Эту «эстафету» они приняли напрямую от своих традиционных предшественников.

Легитимизация власти в Древней Руси не раз становилась темой исторических исследований [1, 2]. Литература, посвященная проблемам наследования княжеских столов, их соотношения и старшинства, поистине необозрима. Цель настоящей статьи скромнее — с точки зрения основных принципов наследования и легитимизации власти в древнерусском обществе рассмотреть только проблему преемственности старшинства в роду Рюриковичей и верховной власти над Русью на протяжении XI–XV вв. В силу обстоятельств нашего времени прозрачный доселе вопрос о правопреемстве древнерусской государственности внезапно обрел дополнительную и вневременную актуальность.

Древнейший принцип, лежавший в основе княжеской власти у восточных славян (а также у всех славян, как и во многих ранних государствах мира), — право всех рожденных князьями на равное княжеское достоинство. Рожденный от князя — князь. Этот принцип по природе являлся пережитком архаического общества. Для сложившегося в X–XI вв. государства он имел ряд деструктивных последствий: удельную систему, общеродовую собственность, «лествичный» порядок наследования княжеских столов, феномен силой добывающихся законного наследства от старшей родни «князей-изгоев».

Коррекцией древнего принципа со стороны нарождающейся государственности было сложившееся уже к XI в. представление, что великокняжеский стол наследуется по «отчине и дедине», не менее чем по двум поколениям предков. Это сужало круг возможных претендентов, хотя, скорее всего, усугубляло проблему «изгоев». Впервые формула «сел в Киеве на месте отца своего и деда своего» употреблена первым агиографом Владимира Святого Иаковом Мнихом в XI в. [3, с. 425]. Это свидетельствует о том, что и молодое русское духовенство, как только это стало возможным, стремилось утвердить принцип подлинно наследственной власти, что не могло стабилизировать едва сложившееся государство и предотвратить усобицы после каждого великого княжения, но действительно ограничивало круг их активных участников.

В 1097 г., в разгар усобиц, начавшихся между внуками Ярослава Мудрого после смерти последнего из его сыновей, на Любечском съезде

князья приняли знаменитую формулу: «Каждый да держит отчину свою»¹. В этом решении, на первый взгляд, можно было бы увидеть попытку узаконения линейной передачи власти от отца к сыну во всех уделах. На самом деле контекст решения — попытка (далеко не сразу удавшаяся) остановить усобицу — указывает на гораздо более простой смысл. Князья постановили закрепить за каждым из семейств внуков Ярослава Мудрого земли, принадлежавшие их отцам («отчины»). Тем самым останавливалось насильственное перераспределение уделов, но и закреплялась (что общепризнанно в науке) удельная раздробленность Руси. Правило «отчины и дедины» теперь утверждалось и на уровне уделов, что окончательно закрепилось к середине XII в. При отсутствии прямых и законных наследников земли оказывались как бы коллективным достоянием рода и должны были быть перераспределены старшим князем с согласия родичей. По крайней мере, так обстояло дело в идеале. При этом могло учитываться и родство по женской линии — но только в пределах, пусть отдаленной, но родни по мужской.

Надо заметить, что частично любечское постановление действовало достаточно длительное время. Потомки ряда участников съезда держали владения весь XII в. (Ростиславичи в Галицкой земле) или дольше (Ольговичи — в Чернигово-Северской земле, их ближайшая родня Ярославичи — в Муромо-Рязанской, Святополчичи — в Туровской земле). Но уже при ближайшей смене киевских князей стало ясно, что к старшинству на Руси в целом, которое ассоциировалось с Киевом, этот принцип неприменим. Сыновья великого князя Святополка в 1113 г. были по умолчанию отстранены от наследования власти в охваченном беспорядками городе. Родовое старшинство по решению киевской знати и большинства влиятельных князей перешло (почти строго по сочетанию «отчины и дедины» с «лествицей») к наиболее авторитетному среди них Владимиру Мономаху. Это в дальнейшем при нем и его сыне Мстиславе Великом привело к перераспределению земель Руси в пользу Мономашичей, закрепивших за собой в итоге Смоленскую, Суздальскую и Волынскую земли.

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1997. 496 с. Стб. 266–267; Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1998. 648 с. Стб. 231.

При том, что идея столицы, «стольного города», присутствовала в сознании и даже отразилась в устной исторической памяти, она долгое время практически незаметна в княжеской титулатуре. Древнейшим был заимствованный у тюрков и употреблявшийся еще в IX в. вождями Руси титул «каган»² — так называет Владимира Святого и Ярослава Мудрого митрополит Иларион [4, с. 583, 591, 598]. Титул «великий князь русский» носили Олег, Игорь и Святослав в X в., и именно он как официальный фигурирует в русско-византийских договорах того времени [3, с. 6, 30, 58]. Усеченные формы этого титула — «князь великий» из Церковного устава Ярослава Мудрого³ и «князь русский» из «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова Мниха [5, с. 417–418]. В поминальной записи о смерти Ярослава Мудрого он назван «царем» [6, с. 14–16]. Наконец, в последней четверти XI в. появляется титул «князь (архонт) всей Руси», отраженный на печати Всеволода-Андрея Ярославича⁴. С тем и с другим титулом можно сопоставить именование Владимира «самодержцем всей Русской земли» в «Сказании о Борисе и Глебе» [7, с. 286].

Титул «великого князя Киевского» неизвестен до XII в., когда правителя Киева потребовалось отличать от других сильных владетелей, претендовавших на великокняжеское достоинство. Старшинство киевского княжения (после 1132 г. уже совершенно призрачное) зиждилось, тем не менее, на единственном и веском основании — Киев являлся в первую очередь церковной столицей Руси. Оформление его как центра митрополии сыграло значительную роль в государственном становлении Руси как таковой. Дружинное сообщество, облагающее данью подвластные племена, нуждалось только в местах зимовий, необязательно постоянных. Пережитки такого «кочующего быта» великих князей видны еще в XI в., когда Ярослав Мудрый в первый период правления уделял Новгороду, своему прежнему уделу, не меньшее внимание, чем Киеву. Но христианская

епархия и тем более целая иерархия, образованная в новокрещенном государстве, нуждалась в постоянной столице, — что не могло не иметь политических последствий.

После смерти Мстислава Великого в 1132 г., по выражению новгородского летописца, «разодралась вся земля Русская»⁵. Начался период длительных княжеских междоусобиц, главным объектом которых изначально была, как и прежде, власть над Киевом, все еще означавшая старшинство среди соперничающей «братии». Действительно, на первых порах неизбежное падение значения переходившей из рук в руки столицы происходило при сохранении формального старшинства. На практике это означало превращение Киева в «яблоко раздора» для удельных династий, ответвившихся от разросшегося древа Рюриковичей.

Наибольшие и, следуя отчинному праву, единственно законные права на Киев имелись у трех ветвей Мономашичей — волынской (основатель — сын Мстислава Великого Изяслав), ростово-суздальской (сын Владимира Мономаха Юрий Долгорукий), смоленской (Ростислав Мстиславич). Однако, если волынские и смоленские династии продолжали участвовать в борьбе за Киев еще и в первой половине XIII в., то суздальские, а затем владимирские князья постепенно утратили к нему интерес. Поворотным пунктом здесь обычно признаются события 1169 г., когда Андрей Боголюбский не возглавил лично поход созданной им княжеской коалиции на Киев и не стал садиться в захваченном городе сам, оставив его младшему брату.

В старой историографии эти события часто рассматривались уже как «перенос столицы» во Владимир, но реальная ситуация была сложнее. С претензиями киевских князей на власть над всей Русью действительно было покончено. Например, Новгород с этого времени ориентируется больше на владимирских князей, чем на киевских. В Киеве началась «княжеская чехарда», продлившаяся около 10 лет и основательно скомпрометировавшая прежде бесспорно старший для Руси стол. Но и старшинство владимирского князя само по себе не признавалось по умолчанию, — недаром во второй половине XII в. титулы великих один за другим принимают все сильные

² Древняя Русь в свете зарубежных источников. Том III. Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке; 2009. 264 с. С. 48, 55, 58; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV. Западноевропейские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке; 2010. 512 с. С. 19.

³ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука; 1976. 240 с. С. 86, 110.

⁴ Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада; 1998. 502 с. С. 20–21, 115.

⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры; 2000. 720 с. С. 28.

князя. Сами правители Владимиро-Суздальского княжества, не «сажаясь» в Киеве сами, тем не менее периодически отправляли туда младших родичей, как бы фиксируя свое присутствие.

Главным возмутителями спокойствия, чьи претензии на Киев взламывали сложившуюся традицию и возбуждали новые конфликты, являлись черниговские князья из рода Святослава Ярославича. Их родоначальники Олег и Давыд Святославичи признали старшинство Владимира Мономаха, однозначно поддержав его в 1113 г., и никогда не княжили в Киеве. Однако Всеволод Ольгович и Изяслав Давыдович позднее захватывали киевский стол явочным порядком, опираясь только на право сильного. Наконец, прославленный в «Слове о полку Игореве» Святослав Всеволодович, один из самых искусных политиков своего времени, имея права на Киев только по «отчине» (благодаря отцовской узурпации), ссылаясь на то, что по матери является внуком Мстислава Великого⁶. Эта новация являлась полным отступлением от общепринятого родового права и дополнительно подрывала авторитет занятого Святославом стола (хотя и не его личный).

Два западнорусских княжеских дома — галицкие Ростиславичи и полоцкие Всеславичи — не имели прав на Киев и не пытались им завладеть, почти не участвуя напрямую в усобицах за него. Галицкое и Полоцкое княжества первыми, еще в XII в., стали строиться как независимые «королевства», признанные в этом качестве как западными соседями, так и (Галич) Византией. Это однако означало отказ от возможного старшинства на Руси. Даже галицкий Ярослав Осмомысл, чье могущество позволяло ему претендовать на общерусское старшинство, никогда таких претензий не выдвигал. Только после того, как Галичем в 1199 г. завладел волынский князь Роман Мстиславич, княжество оказалось втянуто в борьбу вокруг Киева.

Между тем, уже к концу XII в. отрыв признаваемого большинством князей старшинства от киевского стола стал свершившимся фактом. Святослав Всеволодович к концу своего княжения, самого продолжительного и стабильного в Киеве после 1132 г. (благодаря компромиссу со смоленским претендентом Рюриком Ростиславичем), уже почти безоговорочно признавал как минимум равноправие с могущественным

Всеволодом Большое Гнездо. После смерти Святослава Всеволод «посадил», по утверждению его придворного летописца, Рюрика в Киеве — отправил посольство утвердить его на столе⁷. Впрочем, летописец самого Рюрика об этом унижительном для его суверена факте умолчал⁸.

Сын Всеволода, Юрий Всеволодович, не обладал мощью и общерусским авторитетом отца, но все равно признавался сильнейшим среди русских князей, если и не «старшим» в правовом смысле. Сила владимирского князя была особенно очевидна на фоне полувековой усобицы, разразившейся на юге с конца XII в., — сначала вокруг Киевского, а затем и Галицкого княжения. Владимирская Русь приняла в ней незначительное участие, тогда как все остальные княжеские дома оказались втянуты основательно. Права на Киев (кроме права сильного) перед монгольским нашествием оставались крайне запутанными. На некогда общую столицу могли претендовать с равными основаниями смоленские, черниговские, владимиро-суздальские, галицко-волыньские князья. Представители всех этих домов успели побывать на киевском столе в первые четыре десятилетия XIII в.

Монгольским ханам, желавшим наладить управление завоеванной Русью, важно было разобраться в проблеме старшинства. Ключевыми фигурами, вызывавшимися для разбирательств по этому поводу и подтверждения зависимости в Орду и Каракорум в 1240-х гг., были Михаил Всеволодович Черниговский (мученически погибший в Орде), Даниил Романович Галицкий, Ярослав Всеволодович Владимирский (а позже, после его отравления в Каракоруме, его сыновья). Все они почти поочередно владели Киевом накануне его разорения войсками Бату в 1240 г. и представляли сильнейшие княжеские дома, имевшие права на общерусское старшинство.

В 1243 г. Бату утвердил старшинство за Ярославом с недвусмысленной формулировкой: «Ярослав, будь ты старшим из всех князей в русском языке»⁹. В Киеве в середине 1240-х гг. сидел наместник Ярослава Дмитр Ейкович¹⁰. Гибель

⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1998. 648 с. Стб. 578.

⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1997. 496 с. Стб. 412.

⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1998. 648 с. Стб. 681.

⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1997. 496 с. Стб. 470.

¹⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1998. 648 с. Стб. 806.

Ярослава ввиду интриг противников Бату в Каракоруме общей ситуации не изменила. В 1248 г. при том же дворе великого хана Русь была формально поделена между Ярославичами: «приказали Александру Киев и всю Русскую землю, а Андрей сел во Владимире на столе»¹¹. Александр в разоренном Киеве, однако, оставаться не стал, а в 1252 г. занял владимирский престол, в связи с чем Киев уже нигде не упоминается¹².

Монгольское разорение окончательно решило судьбу древней столицы. После краткого пребывания Александра в 1249 г. известно об эпизодическом княжении в Киеве различных мелких князей из рода чернигово-северских Ольговичей. Никаких претензий на старшинство над Русью они, естественно, не высказывали. Даже роль церковной столицы теперь становилась все более условной. Митрополиты, начиная с Кирилла III (1250–1281), все больше времени проводили на северо-востоке. В 1299 г. «митрополит Максим, не терпя татарского насилия, оставил митрополию и сбежал из Киева, и весь Киев разбежался, а митрополит пошел к Брянску, а оттуда пошел в Суздальскую землю со всем своим добром»¹³. Этому примеру один за другим следовали его преемники — Петр (с 1309 г. — во Владимире, с 1325 г. — в Москве), Феогност (в Москве — со своего утверждения в 1328 г.). Показателен пример митрополита Киприана, возведенного на престол вопреки воле московского князя при жизни московского митрополита Алексия, но добивавшегося примирения и своего переезда в Москву, каковой и состоялся окончательно в 1390 г.

Характерна редкость упоминания Киева в русских летописях второй половины XIII — начала XIV в. Во Владимирском летописном своде (Лаврентьевская летопись) о Киеве после монгольского разорения речь заходит дважды — в связи с прибытием Александра из Орды и бегством митрополита Максима¹⁴. В новгородском летописании этого времени Киев тоже упоминается только дважды — когда речь идет о поставлении там Кириллом III нового новгородского архиепископа в 1276 г. и в связи с кончиной самого Кирилла в 1281 г. (он умер в Переславле-Залес-

ском, а погребен был в Киеве)¹⁵. Особенно же бросается в глаза эпизодичность упоминаний Киева в Галицкой (Ипатьевской) летописи. Этот южнорусский свод, помимо упомянутого пребывания в Киеве наместника Ярослава (при котором в городе проездом был Даниил Галицкий), отмечает также несбывшийся план Даниила завладеть Киевом во время войны с вождем Переяславской орды Куремсой¹⁶. Даже церковная роль Киева южнорусского летописца не интересовала.

Позднее Киев в составе Великого княжества Литовского, хотя и начал оправляться после десятилетий разора, превратился в обычный удельный город. Это в немалой степени объясняло нежелание митрополитов в нем жить. Утрата столичного статуса как в Церкви, так и в государстве, стала свершившимся фактом. Власть над Киевом для общерусского старшинства больше не значила ничего.

Особой страницей в истории древнерусской государственности и политического преемства от домонгольской Руси является «королевство Русь» Даниила Романовича Галицкого и его преемников. Еще до официальной коронации 1253 г., в 1247–1248 гг., папа Иннокентий IV именовал Даниила «королем Руси». Разница особенно заметна в послании третьей стороне — братии Тевтонского ордена — где упомянут как «король» Даниил, так и «герцог Суздальский» Александр [8, с. 356–360]. Принятие королевского титула явилось наиболее (если не единственно) значимым результатом попыток Даниила, признавая власть Орды и не принимая католичество, тем не менее лавировать между Ордой и Западом.

Сын, внук и правнук киевских князей, праправнук Мстислава Великого Даниил, несомненно, имел традиционные права на общерусское старшинство, равные правам князей северо-востока. Несколько раз он пытался эти права реализовать, — в первую очередь пытаясь утвердиться на киевском столе. Но при этом ни Даниил, ни тем более его преемники не рассматривали Киев в качестве столицы. Они пытались удержать контроль над ним как над старым церковным центром, в том числе выдвигая или поддерживая удобные кандидатуры на митрополию. Однако неготовность «королей»

¹¹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1997. 496 с. Стб. 472.

¹² Там же. Стб. 473.

¹³ Там же. Стб. 485.

¹⁴ Там же. Стб. 472, 485.

¹⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры; 2000. 720 с. С. 323–324.

¹⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1998. 648 с. Стб. 838.

обеспечивать митрополию должным образом приводила к тому, что даже поддержанные ими митрополиты уходили из Киева на север. Партикуляризм Галицкой Руси, отсутствие у ее правителей реального желания быть «королями (всей) Руси» и наследниками домонгольских князей хорошо заметны в галицкой части Ипатьевской летописи. Если Киев и Чернигов почти исчезают с ее страниц после монгольского нашествия, то Смоленск и Суздаль в тот же период упомянуты лишь по одному разу, а о Новгороде не упоминается совершенно еще с первого десятилетия XIII в. «Королевство Русь» фактически замкнулось в своих границах, даже не пытаясь соответствовать своему названию.

Традиции наследования, начавшие складываться в связи с пресечением местного княжеского рода в Галиче и отличавшие его от остальной Руси, уже в XII в. допускали возможность занятия престола иноземцами. Этим пользовались венгерские Арпады и польские Пясты, не раз пытавшиеся утвердиться в Галиче по соглашению с местным боярством. Порывавший с русской династической традицией, к тому же полученный от папы королевский титул усиливал соблазн отказа и от русских традиций родового наследования. Во время усобиц первой половины XIII в. соблазн этот был пресечен, благодаря чему в итоге Галич и достался Даниилу. Однако в XIV в. он реализовался — и самым роковым для судеб «королевства» образом.

После пресечения или, по другой версии, низложения боярами прямой линии потомков Даниила в 1323 г. на престол князя Галицкого и «короля Руси» был возведен мазовецкий князь Юрий-Болеслав, праправнук Даниила по линии матери, имевший права на престол только по «дедине». После его смерти в 1340 г. разразилась так называемая война за Галицкое наследство между Польшей и Литвой, в которой обе стороны претендовали на Галич по свойству, игнорируя русское родовое право. В итоге войны Волынь досталась литовцам, Галич («королевство Русь») — Польше. Ликвидация «королевства Руси» Ягеллонами в 1434 г. с включением его земель в польский королевский домен фактически являлась признанием того факта, что никаких легитимных прав на власть над Русью они не имеют, и за-

конная преемственность власти здесь прервана.

Одновременно с литовско-польским завоеванием западнорусских земель в первой половине XIV в. на оставшемся под властью Рюриковичей северо-востоке шла борьба за старшинство, теперь воплощаемое владимирским великокняжеским столом, между Москвой и Тверью. Следует признать, что права тверских князей являлись более традиционными, апеллировали к «отчине и дедине». Московский князь Даниил Александрович не пережил своего старшего брата, великого князя Андрея, и «отчины» детям обеспечить не мог. Но права Москвы были связаны с фигурой Александра Невского — уже высоко чтимого (житие было написано почти сразу после смерти князя) родоначальника московского дома, а также последнего, кто был действительно общерусским князем, княжил и в Киеве, и во Владимире. В этой связи важнейшим фактором легитимизации власти московских князей стал фактический перенос митрополитом Петром митрополии в Москву. Это делало Москву действительной правопреемницей домонгольского Киева и главой «всей Руси» — превыше меняющихся настроений ордынских ханов и превыше ограниченных Владимиром отчинных прав тверских князей.

Благодаря отказу тверского князя Михаила Александровича от прав на великокняжеский престол (1374 г.) в пользу Дмитрия Ивановича Московского, будущего Донского, других претендентов на старшинство в роду Рюриковичей и правопреемство от древних великих князей уже в следующем поколении не осталось. Единственными наследниками возводившейся ко временам Рюрика и Олега власти являлись теперь великие князья Московские и Владимирские, потомки Александра Невского. В XV в. это уже прямо не оспаривалось никем из их соперников на севере и северо-востоке Руси и принималось как факт даже западнорусскими Рюриковичами (и Гедиминовичами), искавшими в конце XV в. у Ивана Великого защиту от католической экспансии и несправедливостей польско-литовских Ягеллонов. Традиция русской православной государственности, заложенная святыми Ольгой и Владимиром, продолжалась в наступившую эпоху только в Москве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Плотникова О. А. Генезис и легитимизация института княжеской власти в древнерусском обществе VI–XII вв. М.: Национальный институт бизнеса; 2010. 310 с.

2. Соловьев К.А. Властители и судьи: легитимация власти в древней и средневековой Руси. IX — первая половина XV в. М.: Университетский гуманитарный лицей; 1999. 250 с.
3. Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб.: Издательство Олега Абышко; 2008. 576 с.
4. Иларион, митрополит. Слово о Законе и Благодати. Памятники литературы Древней Руси. М.: Художественная литература; 1994.
5. Зимин А.А., ред. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. М.: Государственное издательство юридической литературы; 1952. 304 с.
6. Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М.: Наука; 1964. 96 с.
7. Милютенко Н.И., ред. Святые князья-мученики Борис и Глеб. Исследование и тексты. СПб.: Издательство Олега Абышко; 2006. 432 с.
8. Матузова В.И., Назарова Е.А. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. М.: Индрик; 2002. 488 с.

REFERENCES

1. Plotnikova O.A. Genesis and legitimization of the institution of princely power in the Old Russian society of VI–XII centuries. Moscow: National Institute of Business; 2010. 310 p. (In Russ.).
2. Solov'ev K.A. Rulers and Judges: Legitimization of Power in Ancient and Medieval Russia. IX — first half of the XV century. Moscow: University Humanities Lyceum; 1999. 250 p. (In Russ.).
3. Milyutenko N.I. Holy Prince Vladimir and the Baptism of Russia. St. Petersburg: Publishing house Oleg Abyshko; 2008. 576 p. (In Russ.).
4. Hilarion, Metropolitan. Word on the Law and Grace. Monuments of the Literature of Ancient Rus'. Moscow: Art literature; 1994. (In Russ.).
5. Zimin A.A., ed. Monuments of Russian Law. Vol. 1. Monuments of the law of the Kiev state X–XII centuries. Moscow: State edition of legal literature; 1952. 304 p. (In Russ.).
6. Rybakov B.A. Russian dated inscriptions XI–XIV centuries. Moscow: Nauka = Science; 1964. 96 p. (In Russ.).
7. Milyutenko N.I., ed. Holy martyred princes Boris and Gleb. Study and texts. Saint Petersburg: Publishing house of Oleg Abyshko; 2006. 432 p. (In Russ.).
8. Matuzova V.I., Nazarova E.A. Crusaders and Russia. The end of the XII-th century — 1270 Moscow: Indrick; 2002. 488 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Викторович Алексеев — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и исторического архивоведения, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Россия; председатель, Историко-просветительское общество «Радетель», Москва, Россия

Sergey V. Alekseev — Dr Sci. (History), Professor, Professor of the Department of History and Historical Archival Studies, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia; Chairman, Historical and Educational Society “Radetel”, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7513-2695>

ipo1972@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.